УДК 321:316.3

Рогов И.И.

Политические системы империй в контексте исследований зарубежной социологии государства: обзор дискуссии первого десятилетия XXI века

В статье дается обзор исследований относительно имперских систем в рамках социологии государства за предыдущее десятилетие. Автор рассматривает наиболее известные труды и концепции – Майкла Хардта, Амитая Этциони, Бертрана Бади, Александра Мотыля, Доминика Ливена и др. Сравнивая этих и других исследователей, автор показывает их специфику, делает вывод о прогрессивном развитии теории империологии.

Ключевые слова: империя, империология, империофобия, государство, сообщество, патримониальное общество.

В течение первого десятилетия XXI века продолжается обширная дискуссия в рамках политической социологии о предмете современного государства, и в частности о его специфической и одиозной разновидности – имперский системы. Хочется дать краткий обзор наиболее значимых исследований в этой области.

Профессор парижского Института политических исследований Бертран Бади, находящийся как под определённым влиянием М.Вебера, так и геополитической парадигмы, ставил своей целью определить пространственные и временные координаты государства [1, С. 107]. Анализируя историю методами политической теории, он предложил классификацию политических моделей общества, основанием которой является способ связи центра и периферии. Таковыми являются империя, патримониальное общество, феодальное общество, сегментарное общество и государство-город, которое более известно как полис.

Патримониальное общество предполагает "нижнюю ступень дифференциации центра и периферии и более слабую институционализацию политических центральных структур" [1, С. 109]. В такой системе бюрократия полностью подчинена правителю и зависит от его произвола. Примером подобных обществ для Бади является Яванское королевство. В таком обществе наиболее распространённый политический режим – абсолютная монархия, с которой в современной коммуникации связаны достаточно негативные ассоциации.

Следующее общество – феодальное – Бади обозначает как "политическую организацию пирамидального типа, в которой центр стремится мало-помалу исчезнуть перед возрастающей автономизацией частей" [1, С. 109]. Здесь хочется сделать важное уточнение. Центр в феодальном обществе будет «стремиться исчезнуть» там, где он не соответствует реальному распределению ресурсов и сил, а является формальным символом.

Сегментарные общества в трактовке Бади являются "отрицанием самого центра и организованы на сугубо общинной (communautaire) и родовой (lignagere) основе" [1, С. 122]. Примером такого рода обществ является общество нуэров (Южный Судан), описанное британским социологом Э. Эванс-Причардом. Специфика полити-

ческой логики этих обществ: противостояние всякой централизации, наличие диффузной власти, исключающей какую-либо иерархическую модель властных отношений.

Государство-город "идентифицируется исключительно с центром". Этой модели, согласно Бади, соответствует только античное государство-город, хотя мы видели, что итальянские города-государства эпохи Возрождения и вольные города империи могут быть рассмотрены в аналогии с последним.

Все перечисленные сообщества не являются государствами в современном смысле слова, и Б.Бади подчёркивает это, отмечая, что политическое государство – продукт борьбы феодальной империи, феодальных полисов и патримониальных структур.

Империя же, по мнению Бади, характеризуется "относительной централизацией политических структур, зависящей не от потребности в координации дифференцированных социальных ролей, а от выполнения более расплывчатых и менее стабильных культурных и политических функций и приводящей к слабому проникновению на периферию" [2, С. 666]. Эту расплывчатую формулировку можно понять таким образом, что империя централизуется не вопреки центробежным тенденциям, но чтобы осуществлять экспансию, смысл которой может быть расплывчат. При всем уважении к вкладу этого автора в социологию государства, полностью согласиться с таким пониманием империи нельзя. Оно слишком осторожное, слишком политкорректное к современному дискурсу. Бертран Бади фактически нивелирует термин путём расширения его смысла.

Псевдомарксисты и одновременно популяризаторы имперской тематики Майкл Хардт и Антонио Негри не дают определения исследуемого ими явления, полагая его интуитивно-понятным, но предупреждая о нездоровом интересе империи к рядовому гражданину. Но, несмотря на отсутствие чёткой дефиниции, общий смысл работы, претендующей на звание «библии антиглобализма», ясен: империя – химера организации сетевого управления и биовласти, продуцирующая общество спектакля в масштабах всей планеты.

В самом начале своей работы Хардт и Негри выдвигают тезис, заимствованный у Мишеля Фуко, о превращении мировой политики в биополитику. Их империя, как продукт глобализации, концентрируется не столько на контроле за движением капиталов, товаров или ноу-хау, но, прежде всего, человеческого капитала. Но каков результат этой деятельности, сами авторы себе не представляют. Вместо этого они используют бездоказательное утверждение, что «новая орда варваров возникнет, чтобы завоевать или разрушить империю» [3, С. 201-202]. Хардт и Негри рисуют достаточно отталкивающий, но безальтернативный образ своей империи: концентрируя внимание на стремлении империи контролировать свободных индивидуумов, авторы акцентируют внимание читателя на нарушении фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. Несмотря на большой объем внимания в научных кругах и хорошее паблисити, «империя» Хардта и Негри относится не к социологии государства, а, скорее, к популлистическим текстам.

Альфред Рибер выделяет три фактора, способствовавших сплочению, приспособляемости и обновлению евразийских империй: имперскую идею, имперскую бюрократию и защиту границ. Он обоснованно указывает на связь концепций власти в империях с традициями и мифами, ибо такие концепции становились частью нравственных и (или) религиозных представлений. Он же склонен определять империю как «государственное устройство, при котором одна этническая группа устанавливает контроль над другими этническими группами в границах определённой террито-

рии» [4, С. 34]. Реалистическая позиция достаточно последовательно отражена в приведённой дефиниции, которая есть развитие геополитического и национального концептов с явной примесью «теории насилия» и принадлежит одному из наиболее влиятельных направлений современной политической мысли.

Доменик Ливен – человек, работающий в нише исторической и сравнительной политологии, и одновременно автор серьёзного труда «Российская империя и её враги с XVI века до наших дней», вполне осознаёт необходимость употребления некоторого количества частных, рабочих определений вместо одного общего. «Империя – это сложная и изысканная область науки, населённая леопардами и другими дикими созданиями. Свести всё это к определениям и формулам – значит превратить леопарда в домашнюю киску, дефективную, уродливую, трёхногую и бесхвостую» [5, С. 640]. В этом эмоциональном и ненаучном высказывании заключена простая истина империологии – индуктивизм вполне приемлем там, где общие определения сводят только к банальности. Ливен высказывает эту мысль и на более научном языке: «… империя – это весьма общее и неконкретное определение, полное идеологических ловушек и совершенно непригодное для применения в актуальных политических дебатах» [5, С. 17].

Ливен отмечает, что среди учёных, пытающихся определить и сравнить разные империи, можно выделить две школы [5, С. 72]. Первая базируется на изучении европейских колониальных империй Нового времени, и соответственно определяет империю как отношения между центром (метрополией) и колониями (периферией). В таком случае основными направлениями исследования будут экономическая эксплуатация, культурное и политическое доминирование. Вторая фокусируется вокруг существовавших с античности великих военных земельных империй, связанных с универсальными религиями. В качестве критического замечания следует сказать, что такая абсолютизация несколько грубовата, и теория империологии должна сконцентрировать свои усилия на выявлении общих черт, а не противопоставлении давно известных фактов.

Ливен определяет Британскую империю как «международную систему могущества и влияния, поддерживающую определённую цивилизацию и её ценности» [5, С. 186]. В таком определении несложно увидеть влияние Тойнби и Британики. Тем не мене, оно целостно фиксирует цивилизационный взгляд на империю, и важно для нас, читатель как показывающее реальную связь – империя – цивилизация.

Впрочем, от Ливена не стоит ожидать классификаций и дефиниций. Признаваясь на первых страницах своего исследования, что не верит в возможность разработки эффективной гипотезы о природе империй, он ещё более сужает свой горизонт, отмечая, что империя – по определению «не демократия», т.е. не может предполагать согласие народа с властью.

Александр Мотыль, профессор политических наук университета из Нью-Джерси, отмечает, что периферия империи связана вертикально с центром и слабо между собой. В его понимании империя – «иерархически организованная политическая система, которую можно уподобить колесу без обода. Внутри этой системы элита ядра и созданное ею государство доминирует над периферийными элитами и обществами, выступая в роли посредников и управляя ресурсными потоками от периферии к ядру и обратно…» [6, С. 13]. Помимо этого показательного символа, г-н Мотыль указывает на такие признаки, как насильственный характер удержания окраин, доминирование центральной элиты над периферийными и тому подобное, –

в целом в духе успешного университетского профессора американского научного истеблишмента.

В символе «колеса без обода» очередной раз проявляется критическое отношение современного исследовательского сообщества к предмету империологии. Даже формально нейтральный университетский профессор Мотыль использует символ, не могущий считаться образцовой моделью управления. Аллюзия «колеса без обода» ориентирована на создание образа неэффективной системы управления.

Основываясь на введённом символе «колеса без обода», А.Мотыль классифицирует империи по способу управлению своими периферриями, а именно – как разорванный, целостный и гибридный типы.

Показательно также привлечение А.Мотылём внимания к имперским элитам, которые и осуществляют на практике все типы управления. Развивая свое определение, он делает акцент на структурной централизации, «в рамках которой элиты ядра доминируют над периферийными сообществами» [6, С. 42]. Развивая свою концепцию, Мотыль закономерно приходит к понятию империализма, формой которого и выступает доминирование имперообразующего этноса и центральных управленческих элит.

Французский историк, социолог, антрополог Эммануэль Тодд, работа которого «После империи. Pax Americana – начало конца», вышла в нашей стране в 2004 году, воспринимает империю в традиционном для европейца критическом духе. «Империя – это отношения с миром, который должен быть подчинён, поглощён и трансформирован во внутреннее пространство государства-властелина» [7, С. 93]. Тодд глубоко понимает те трансформационные процессы, что имеют место в постбиполярном мире. Это не случайно, поскольку перед нами один из тех немногих людей, которые предсказали точное время распада Советского Союза – 80-е годы XX века; при этом Тодд аргументировал свой вывод не псевдонаучной терминологией либерализма, а вполне конкретными демографическими данными и повышением уровня образованности населения.

Рассмотрим аргументацию Тодда в вопросе возникновения имперских систем. Две причины выделяются им в качестве существенных. Первая – империи рождаются за счёт военного принуждения и полученной дани – позиция традиционная для истории социологии. Вторая – более примечательная. Названа она «динамикой универсалистского эгалитаризма». Тодд обращает внимание, что после определённой исторической «точки икс», имперский центр начинает обращаться с покорёнными народами как с собственными гражданами, а с собственным народом – как с прочими периферийными. Здесь, несомненно, проявились результаты наблюдения Тодда за судьбой колониальных морских империй Англии и Франции.

Н.Н. Крадин отмечает, что Р. Тапаром со ссылкой на труды С. Айзенштадта было предложено определять империю как общество, состоящее из “метрополии” (ядра империи) – высокоразвитого экспансионистского государства и территории, на которую распространяется ее влияние (“периферии”) [8, С. 155]. Периферией могли являться совершенно различные по уровню сложности типы социальных организмов: от локальной группы до государства включительно. По степени интегрированности этих подсистем автор выделил “раннюю” и “позднюю” империи. В ранней империи, по ее мнению, метрополия и периферия не составляли прочной взаимосвязанной единой системы и различались по многим показателям, таким, например, как экология, экономика, уровень социального и политического развития. К числу классических примеров ранних империй можно отнести Римскую державу, Инкское государ-

ство, королевство Каролингов и др. Поздняя империя характеризуется менее дифференцированной инфраструктурой. В ней периферийные подсистемы функционально ограничены и выступают в форме сырьевых придатков по отношению к развитым аграрным, промышленным и торговым механизмам метрополии. В качестве примера можно сослаться на Британскую, Германскую или Российскую империи начала нынешнего столетия.

Достаточную известность как в мировых, так и в отечественных научных кругах, приобрела работа Амитая Этциони «От империи к сообществу». Этциони включается в новомодную в постбиполярную эпоху идею конца национального государства, отмечая одновременно и конец эпохи империй [9].

Этциони понимает, что эпоха национального государства, национального суверенитета и всё то, что стало возможным после Тридцатилетней войны и Вестфальских договоров, близка к завершению и добавляет обязательный для современной коммуникации рефрен: и эпоха империй заканчивается тоже.

Приводя серьезные аргументы, показывающие, что государства не могут защитить своих подданных от распространения заразных инфекций, от террористических актов, создать достойные условия существования, Этциони требует, чтобы все эти не справляющиеся со своими обязанностями национальные государства уступили свои права мировому глобальному правительству. Непонятно, однако, почему эпидемии или теракты рассматриваются им как серьёзные критерии слабости государства: политические государства никогда не были в состоянии остановить эпидемии на своих национальных границах, а террористы и в XIX столетии нарушали общественный покой. Однако Этциони связывает эти факторы с концом национального государства именно сейчас. Используя жупел мирового ядерного терроризма, ведущий американский исследователь предлагает ввести единый мировой орган, ответственный за изъятие у стран-изгоев всех средств массового поражения. Данная мысль также не может считаться новаторской: перед нами известная мондиалистская идея о нивелировании национальных различий и устроении единой, глобальной мировой империи.

В последние годы наметилась очередная мода на употребление самого понятия «империи», вследствие чего книжный рынок получил очередную партию текстов, обсуждающих различные политические системы и империи собственно. Так, в 2007 году вышла работа Дж. М. Коломера «Великие империи, малые нации. Неясное будущее суверенного государства» [10, P. 110] В ней проводится старая известная геополитическая теория выделения макрорегионов, а в них – доминирующих политических единиц, которые в силу размера и называются империями. Пафос работы Дж. М. Коломера состоит в противопоставлении нескольких сотен «малых наций», находящихся как вне, так и внутри империй, пяти собственно империям – Америке, Китаю, Европе, России и Японии, а также трём территориям «имперского типа» – Индонезии, Бразилии и Индии. По мысли г-на Коломера, империи и малые нации пребывают в своеобразном симбиозе. Благодаря имперской «крыше» малые нации успешно выживают: они чувствуют себя защищенными, не тратя средств на оборону и вооружение и в то же время пользуясь преимуществами большого рынка. С другой стороны, именно благодаря им империи сохраняют и приумножают демократические свойства собственных политических систем [11].

Благодаря столь грамотно выраженной политкорректной позиции, Дж.М.Коломер получил хорошее паблисити. Не важно, что критерий деления относится, похоже, к интуитивным убеждениям автора, который смешивает понятие эко-

номического региона (которым и являются такие политические единицы, как современные Европа, Россия, Япония) и политической империи. Для политологов, принимающих как данность любые новомодные тенденции, не имеет значения также, что тезис «Европейский союз – это демократическая империя» – всего лишь современная и весьма хилая форма традиционного европоцентризма, за которой кроется слабая в политическом отношении псевдоконфедеративная организация Европейского Союза, не могущего справиться даже с собственными финансами. В случае с г-ном Коломером паблисити обеспечено его статусом профессора политических наук в Высшем совете научных исследований Испании и профессором иных организаций.

Однако империология на Западе находится в более привилегированном положении, нежели попытки её обосновать в нашей стране. Два американских историка – Джейн Бербанк и Фредерик Купер выпустили недавно солидный труд «Империи в мировой истории», в котором предлагают системный анализ истории с позиций имперского развития [12, P. 236]. Бербанк и Купер рассматривают империю как доминирующую форму правления над большими территориями и анализируют различные стратегии (в их терминологии – «репертуары») осуществления имперского контроля [13]. Перед нами предстаёт образец высокой западной науки, оценивающей историю объективно. А не сквозь призму политической конъюнктуры. Бербанк и Купер понимают, что основной вызов, стоящий перед империей, – сохранить культурное многообразие народов и одновременно построить легитимную политическую систему как базу для их объединения. Уделяют они внимание и имперской идее (в их терминологии – Большой идее), которая служит теоретической базой для такого объединения.

Хотя в исследовании американских историков проглядывает старый добрый английский номиниалист, полагающий, что любое общее – лишь свойство частного, а значит, исследование имперской проблематики надо строить на предварительном исследовании каждой конкретной исторической империи, работа Бербанк и Купера – значительный вклад в дело империологии. Важные черты исследования этих авторов – внимание к имперской идее – объединяющему и легитимизирующему идеологическому компоненту и принципиальная хронологичность воспроизведения мировой истории как истории последовательно сменяющих друг друга империй. Рекламируемые в средствах массовой информации исследования Хардта, Айзенштадта и Этциони лишь в малой доле так проницательны, как «империи в мировой истории». Будем надеяться, что теория империологии в будущем воспримет идеологическую и хронологическую позиции как константы своего знания.

Нами не исчерпан весь потенциал социологической дискуссии о предмете имперских систем. Однако общее направление накопленных за десятилетие исследований можно охарактеризовать как движение от однозначно-негативной трактовки имперских систем к постепенному признанию роли и места империологии в социологическом контексте.

Литература

1. Бади. От суверенитета государства к его жизнеспособности // Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей: М., 2001.

2. Бусыгина И.М. Великие империи, малые нации. Неясное будущее суверенного государства. Рецензия на книгу Colomer Josep M. Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State. // Интренет-портал ПЕРСПЕКТИВЫ http://perspektivy.info/index.php

3. Ливен Доменик. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М.: Издательство «Европа», 2007.
4. Крадин Н.Н. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001
5. Лейст О.Э. История политических и правовых учений. М., 2000.
6. Мотыль А. Пути империй: Упадок, крах и возрождение имперских государств. М., Московская школа политических исследований, 2004.
7. Майер Чарльз С. Империя без конца // Интернет-портал ПЕРСПЕКТИВЫ http://perspektivy.info/
8. Рибер А. Сравнивая континентальные империи //Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. ст. / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004.
9. Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М.: Междунар. Отношения, 2004.
10. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.
11. Этциони А. От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004.
12. Colomer Josep M. Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State. London; New York: Routledge, 2007.
13. Jane Burbank J., Cooper F. Empires in World History. Princeton University Press, 2010.

УДК 321:352

Ляхов В.П.

Проблемы и противоречия в развитии местного самоуправления в современной России: политологический анализ

В статье обосновывается актуальность политологического исследования местного самоуправления в современной России, а также анализируются основные проблемы и причины противоречий, возникающих в процессе институционализации в России МСУ.

Ключевые слова: местное самоуправление, Российское государство, общество, власть, демократическое общество.

Становление системы местного самоуправления в России сопровождается трудностями, проблемами, противоречиями, что актуализирует проблему глубокого политологического анализа исследования данного феномена с учетом исторической и социокульутрной специфики условий его развития в Российском государстве и институциональных предпосылок, накладывающих свой отпечаток на функционирование МСУ.

В странах с развитой политической демократией и рыночной экономикой органы местного самоуправления рассматриваются в качестве самостоятельной, во многом независимой от государственной власти структуры политического и социального управления, призванной решать множество вопросов местного значения [1].

В российском законодательстве (ст. 12 Конституции РФ) прописано, что органы местного самоуправления отделены от системы органов государственной власти. Однако соблюдается ли этот принцип в реальной политической и управленческой практике России? Со всей очевидностью можно сказать, что это далеко не так.

Мнение специалистов по различным аспектам местного самоуправления в России также отличается критичностью. Существует устойчивая точка зрения, что